

УДК 82-312.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-116-124

ОСМЫСЛЕНИЕ ТЕМЫ ОТЦОВСТВА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Степченкова В.Н.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена раскрытию феномена отцовства в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Производится анализ и сравнение двух видов отцовства: биологического (Фёдор Павлович Карамазов) и духовного (старец Зосима). Утверждается, что всякое действие «отцов», равно как и бездействие, имеет нравственные последствия. Как результат эманации отеческой злой воли Карамазова-отца рассматривается явление отцеубийства, которому противостоит добрая воля старца Зосимы, разрывающего порочный «карамазовский» круг. Художественный мир Ф.М. Достоевского определяется как вобравший в себя христианское представление об отеческой ответственности и возможности победы духа над плотью.

Ключевые слова: отец, старец, отцовство, сын, ответственность, воспитание, обязанности, карамазовщина.

COMPREHENSION OF PATERNITY IN THE DOSTOEVSKY'S NOVEL «THE BROTHERS KARMAZOV»

V. Stepchenkova

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of fatherhood in F. Dostoevsky's novel «The Brothers Karamazov». A comparison is made of two types of paternity: biological (Fedor Pavlovich Karamazov) and spiritual (elder Zosima). It is argued that every action of the «fathers», as well as inaction has moral consequences. Discussed is the phenomenon of patricide as a result of the emanations of the paternal evil will of the father Karamazov, which is opposed to the good will of the elder Zosima, tearing vicious «Karamazov's» circle. The artistic world of Dostoevsky gives us the Christian idea of the concept of paternal responsibility, and an example of the victory of the spirit over the flesh.

Key words: father, elder, fatherhood, son, responsibility, upbringing, duties, karamazovism.

В своём романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевский раскрывает различные стороны человеческого бытия, религиозные вопросы, пути и движения человеческой души, а также показывает взаимоотношения отцов и детей. Писатель вскрывает не только физиологическую, но и духовную составляющую феномена

отцовства, опосредованно, но настойчиво говорит об отеческой ответственности. Ф.М. Достоевский пытается донести знание о важности роли родителей в период становления духовно-нравственного облика человека.

В Священном Писании говорится о том, что родители имеют власть над детьми, и дети должны признавать эту установленную свыше иерархию: «Почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием: да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле» [8, с. 238]. Но вместе с властью на родителей возлагается и ответственность за детей. Об этом Св. Дмитрий Ростовский писал: «Юнаго отрока можно уподобить доске, приготовленной для изображения картины: что живописец изобразит, – доброе или худое, святое или грешное, ангела или беса, – то и останется на ней. Так и дитя: какое родители дадут ему первоначальное воспитание, к каким нравам – богоугодным или богоненавистным, к ангельским или бесовским – приучат его, с такими оно и будет жить» [13, с. 158]. В зависимости от того, насколько ответственно или, напротив, безответственно отец относится к вверенной ему миссии по воспитанию своих чад, настолько будут сладки или, наоборот, горьки его плоды: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнёт» [8, с. 233]. Эту мысль подтверждает С.Л. Шариков в статье «Евангельское слово в поэтике Достоевского»: «Евангельское слово двояко выражается в романах писателя – на уровне художественного слова и на уровне сюжета. В первом случае оно порождает логику образа, во втором – воплощается в виде духовных законов, от исполнения или наруше-

ния которых так или иначе складывается судьба героев» [15, с. 52], в данном случае это закон сеяния и жатвы.

В романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» показаны два типа отцовства: естественное (Фёдор Павлович Карамазов) и духовное (прежде всего – старец Зосима).

Был ли Фёдор Павлович настоящим отцом, в общечеловеческом, библейском понимании этого слова, и выполнял ли он свои отцовские обязательства? У Фёдора Павловича было три сына от двух браков и один внебрачный. Жизнь с первой женой трудно назвать счастливой. От первой жены, Аделаиды Ивановны, родился первенец – Дмитрий. Когда Мите было три года, мать бросила его. Но и отцу мальчик был не нужен. Автор характеризует Карамазова – отца как человека «дрянного и развратного», «бестолкового», сладострастника [3, с. 11]. О своём сыне он просто-напросто забыл, мальчик скитался по чужим семьям, родственникам. Не имея отчего дома, ему пришлось поменять несколько семейных гнёзд. От второго брака родились Иван и Алёша. И их ждала та же участь, что и Митю: и они были забыты отцом. Но их судьба была более благополучна, большую часть времени они воспитывались в семье Ефима Петровича Поленова, благороднейшего и гуманнейшего человека. Он встретил с любовью мальчиков и полюбил их настолько искренне, насколько мог, в особенности младшего, Алёшу. За старшим Ваней заметил необыкновенные способности и сделал всё, чтобы по максимуму их развить, но, к сожалению, так и не смог заменить мальчику отца. Душевная и психологическая травма, полученная Иваном в детстве,

была так велика, что впоследствии ему трудно было оттаять: «Он рос угрюмым и замкнувшимся отроком, ещё с десяти лет проникнувшим в то, что растут они всё-таки в чужой семье и на чужих милостях и что отец у них какой-то такой, о котором даже и говорить стыдно» [3, с. 22].

Для отца у ребёнка воплощена прямая возможность продолжения рода, ведь именно мужчине необходимо воспитать наследника, хранителя семейных обычаев и родовой памяти. Но Фёдор Павлович настолько был занят удовлетворением своих потребностей и наживой, что его нисколько не волновало, кто после него останется и кому он в итоге завещает всё своё имущество. Фёдору Павловичу чуждо понятие родовой памяти: когда Григорий просил барина поставить памятник над могилкой Софьи Ивановны, второй жены Карамазова, то тот «махнул рукой на воспоминания» [3, с. 31] и уехал на несколько лет в Одессу. В итоге даже «глупого, угрюмого и мрачного» лакея больше интересовал вопрос увековечивания памяти и почтения умершей, чем её собственного мужа, и он сам воздвиг памятник на могилке на собственное небольшое жалование.

Дети Карамазовы совершенно не чувствовали никакой привязанности к отцу, доверия, они никак не могли рассчитывать на него в трудную минуту. Молодые люди понимали, что Фёдор Павлович был лишь биологическим отцом, но ничего более. Даже при описании детства мальчиков их называли «сиротами» [3, с. 13]. Отец же не испытывал никаких угрызений совести по этому поводу, и не было ни малейшей мысли искупить свою вину, больше всего он боялся, что его сыновья при-

едут и будут просить у него денег. И вот настал момент, когда сыновья всё же съехались к отцу. Но никто не хотел стать ему ближе. У всех лишь были свои дела: Митя желал получить положенную часть имущества, Иван приехал по просьбе Мити, а Алеша приехал, чтобы посетить могилу матери.

Было бы несправедливо говорить, что Фёдор Павлович никогда не вспоминал о том, что он отец, например, при скандале в монастыре, после которого Карамазов-отец грозился забрать своего сына Алешу: «У меня здесь сын Алексей спасается; я отец, я об его участии забочусь и должен заботиться... Нет, отцы, с вами тут, пожалуй, в хлыстовщину втянешься... Я при первом же случае напишу в синод, а сына своего Алексея домой возьму... Непщуйте, отцы, а я пойду. А сына моего Алексея беру отसेле родительскою властью моею навсегда» [3, с. 116]. Но здесь, как отмечает сам автор, нота бене: Фёдору Павловичу не было дела до сына, и до монастыря тоже, просто очередное шутовство и вздор. И когда вскоре после этого случая Алёша пришёл к отцу, Фёдор Павлович встретил его не очень гостеприимно: «Вздор всё это. Напрасно изволил потревожиться. Я так, впрочем, и знал, что ты тотчас притащишься...» [3, с. 169]. Другой случай, когда на Карамазова нахлынули отцовские чувства и воспоминания – это «за коньячком». Старик начал рассказывать различные и не самые лучшие истории о своей второй жене (матери Ивана и Алеши), что и закончилось припадком Алёши.

Однако можно усмотреть несомненное благо в том, что по воле судьбы мальчики росли вдали от отца, что им не приходилось каждодневно ви-

деть отцовский непотребный образ жизни. В книге «Христианское воспитание детей» 1905 года говорится: «Мало того, что в детстве нужно учить всему хорошему и разумному; нужно, кроме того, в раннем впечатлительном детстве оберегать от всего дурного – от дурных слов, действий и всяких дурных примеров, ибо наукою доказано, что человеческая душа с самого раннего младенчества, – даже с двухмесячного возраста всё запоминает и усваивает. А потому при грудных даже детях нельзя ничего худого ни делать, ни говорить» [10, с. 9]. Знаменитый народный проповедник протоиерей Родион Путятин говорит по поводу осторожного поведения родителей к детям следующее: «Так почти всё то остаётся на всю жизнь в детях, что они видят и слышат в младенчестве. И потому, чему вы хотите со временем учить детей, то надобно внушить им и тогда, когда они бывают младенцами. И потому-то родители Пресвятой Девы Марии весьма премудро сделали, когда рано отпустили своё дитя жить в храм. Там всё мирское от Нея было скрыто; она видела и слышала божественное; Она жила и дышала божественным. Напротив, весьма неосторожно поступают те из родителей, которые при младенцах делают и говорят худое или позволяют другим говорить и делать непристойное» [12, с. 35]. И.Б. Павлова в своей статье «Детский вопрос» в постановке М.Е. Салтыкова-Щедрина и Ф.М. Достоевского» также особо отмечает период раннего детства: «Первоначальные впечатления оказывают определяющее влияние на натуру, формируют личность, через родителей и воспитателей ребёнок приобщается к социальным отношениям» [9, с. 126].

Таким образом, у мальчиков, поскольку они возрастали вдали от отчего дома, была возможность видеть другие семьи и других отцов, помимо своего «дрянного» отца с его порочным образом жизни.

Есть ещё четвёртый внебрачный сын Фёдора Павловича – Смердяков. Он жил в непосредственной близости к отцу, и, пожалуй, его детская психика оказалась больше, чем у других детей, подвержена негативному влиянию со стороны Карамазова-старшего: «Человек ещё молодой, всего лет двадцати четырёх, он был страшно нелюдим и молчалив. Не то чтобы дик или чего-нибудь стыдился, нет, характером он был, напротив, надменен и как будто всех презирал» [3, с. 158]. Предыдущих сыновей Фёдора Павловича разобрали родственники, и неизвестно, как бы сложилась судьба у этого ребёнка, если бы не слуга Григорий, который взял его к себе и воспитал как своего сына. Но никакого намёка на отцовско-сыновние отношения со стороны Фёдора Павлович не было. Павел Фёдорович рос на правах лакея.

И вот перед нами встаёт целостная картина: мальчики при живом отце приравнены к сиротам, отец живёт своей жизнью, наполняя её земными удовольствиями. Сыновья презирают своего отца, не желая знаться с ним и, соответственно, считая себя лучше, благороднее, порядочнее, чем он. Так ли это на самом деле? И что происходит, когда отец не выполняет свои обязательства, установленные Богом, по воспитанию и наставлению сыновей? Какие плоды приходится вкушать? Царь Соломон в своих притчах говорит: «Мудрый сын радуется отцу, а глупый человек пренебрегает мать

свою» [2, с. 656]. Так и в случае с Фёдором Павловичем, плоды оказались довольно горькие. Ф.М. Достоевский показывает, что отцовство – это ответственность, которую невозможно снять с себя. Об этом нам наглядно говорит притча о талантах: Господин раздал своим рабам таланты, одному пять, другому два, а иному один. Первые два раба употребили доверенное им имущество в дело и получили доход, а третий раб закопал, чтобы и то, что есть, не пропало. Когда Господин вернулся и раб отдал Ему принадлежавший талант, то заключение Хозяйина было таково: «негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» [8, с. 30]. Господин рассердился на раба, назвав его негодным, лукавым и ленивым. В данном случае бездействие – это уход от ответственности, от своих обязанностей, проявление лени. Когда раб сказал, что он был не способен пустить в ход своё имущество, то он лукавил, и за это он заслужил наказание. Так и Фёдор Карамазов своим бездействием и неучастием в жизни детей совершил некое сеяние. Что же он пожал?

Начнём с Мити – старшего сына. По всем общечеловеческим понятиям поведение его выходило за рамки, Дмитрий чувствовал к своему отцу нескрываемую ненависть, готов был поднять руку, грозился убить. Насколько горек этот плод? Священное Писание нам говорит, что злословие отца – крайне недопустимое поведение: «Кто будет злословить отца своего или мать свою, тот да будет предан смерти; отца своего и мать свою он злословил: кровь его на нём» [2, с. 128].

Средний сын – Иван. Внешне его поведение более благопристойное,

нежели у Дмитрия. Иван образован, занимается умственным трудом, его нельзя уличить в каких-либо распутствах. Да, он так же, как и Дмитрий, ненавидит своего отца, но это ненависть на первый взгляд безобидна, ибо не выходит наружу в виде рукоприкладства и неконтролируемых эмоций, как у Мити.

Младший незаконнорождённый сын – Смердяков. Это единственный сын, который жил рядом с отцом. Святые отцы вот что говорят о воспитании детей: «Некоторые из родителей совершенно пренебрегают воспитанием детей в раннем их возрасте... и растёт ребёнок, как дикая яблоня в лесу. Отведайте плода с этой яблони в лесу и не возрадуется, – так он кисел и горек. И вот, никем не останавливаемый, не наказываемый и не вразумляемый становится он негодным членом общества, горем для своих родителей, бременем и соблазном для многих» [12, с. 11]. Смердяков – человек, вешавший кошек в детстве и в итоге убивший своего отца. Нет ничего страшнее отцеубийства. Но Смердяков совершил это преступление не один: он был лишь исполнителем, а его идейным вдохновителем был, как выяснилось, средний сын, внешне спокойный Иван. Таким образом, Иван в духе совершил убийство, а Смердяков на деле, тем самым воплотив в жизнь идею Ивана. В случае с Иваном отцеубийство совершено в мысли, а у Смердякова физически [5, с. 52-64].

Таким образом, все трое детей оказались убийцами своего отца: Митя – на словах, Иван – идейно, а Смердяков – фактически. Как тот негодный раб, зарывший талант, получил в высшей мере суровое воздаяние за своё

бездействие, так и Фёдор зарыл в землю своё отцовство и получил за своё бездействие воздаяние – вкусил плод, о котором страшно и помыслить, он, сам того не желая и не предполагая, вырастил в лице своих детей своих убийц.

Особняком в романе стоит Алёша. Несмотря на отдалённость от отца, он также является плодом той же яблони. Ракитин подмечает это: «Ведь я только на тебя, Алеша, дивлюсь: как это ты девственник? Ведь и ты Карамазов! Ведь в вашем семействе сладострастие до воспаления доведено. Ну вот эти три сладострастника друг за другом теперь и следят... с ножами за сапогом. Столкнулись трое лбами, а ты, пожалуй, четвёртый...» [3, с. 103]. Алёша в свою очередь не отрицает этого и в разговоре с Мишей признаётся, что понимает отцовские чувства в отношении Грушеньки, на что проницательный семинарист заключает: «Ты это нечаянно брякнул, это вырвалось. Тем драгоценнее признание: стало быть, тебе уж знакомая тема, об этом уж думал, о сладострастье-то. Ах ты, девственник! Ты, Алёшка, тихоня, ты святой, я согласен, но ты тихоня, и чёрт знает о чём ты уж не думал, чёрт знает что тебе уж известно! Девственник, а уж такую глубину прошёл, – я тебя давно наблюдаю. Ты сам Карамазов, ты Карамазов вполне – стало быть, значит же что-нибудь порода и подбор» [3, с. 103].

Вопреки тому, что Алёша имел прямые отношения к карамазовщине, у него было доброе семя, которое вложила в него его мать – это живая память о духовной жизни. Среди тяжёлых и мрачных безрадостных будней она водила маленького сына в мона-

стырь, чтобы благодать святого места могла оставить хоть какой-то добрый след в маленькой душе. И это семечко по прошествии многих дней дало свой добрый плод: «Из воспоминаний его младенчества, может быть, сохранилось нечто о нашем подгородном монастыре, куда могла возить его мать к обедне. Может быть, подействовали и косые лучи заходящего солнца пред образом, к которому его протягивала его кликуша-мать. Задумчивый, он приехал к нам тогда, может быть, только лишь посмотреть: всё ли тут или и тут только два рубля, и – в монастыре встретил этого старца» [3, с. 36]. Так произошло знакомство старца Зосимы и Алёши. Молодой человек сам выбрал себе в наставники Зосиму и в свою очередь так понравился старцу, что даже был пущен жить к нему в келью. Алёша беспрекословно верил в чудесную силу старца, любил его горячо и сильно, не сомневался в том, что после смерти старец прославит их монастырь, считал его хранителем Божьей правды в глазах народа. Японский исследователь Достоевского К. Итокава отмечал, что община монастыря является тоже своего рода семьёй с духовными отцами и детьми-послушниками и представляет единственный противовес Карамазовым [4].

Старца привлекала чистая душа мальчика. Возможно, старцу Духом Божьим было открыто, что этот юноша должен быть рядом, чтобы «вступить на драгоценный путь сей», иначе велика вероятность, что молодой человек может уклониться на безбожную дорогу: «Если бы он порешил, что бессмертия и Бога нет, то сейчас бы пошёл в атеисты и в социалисты (ибо социализм есть не только рабочий вопрос, или так на-

зываемого четвёртого сословия, но по преимуществу есть атеистический вопрос, вопрос современного воплощения атеизма, вопрос Вавилонской башни, строящейся именно без Бога, не для достижения небес с земли, а для сведения небес на землю)» [3, с. 36].

Земной отец физически рождает дитя, а духовный отец помогает возродиться человеческому духу и направляет очи его сердца к Богу. Старец Зосима смог стать для юноши тем образцом духовного идеала, которого так не хватало мальчику. Старец взял на себя высокую и святую обязанность учить молодого человека истинам веры и деятельности и не только словами наставлять на всякое доброе дело, но и собственным примером показывать святой путь, угодный Богу. Все сыновья Фёдора Павловича виновны в страшном убийстве, но благодаря своей матери, которая смогла посеять в мальчика семена добра, и благодаря духовному отцовству старца Зосимы Алёша вырвался из порочного карамазовского круга.

Ф.М. Достоевский нам ясно показывает два типа отцовства и тот горький плод, который отец может вкушать, имея безответственное отношение к миссии, которую сам Бог доверил человеку, благословив его потомством. Писатель даёт понимание того, каким должен быть отец, – это человек, который здесь, на земле, даёт представление о Боге; в Библии много раз проводится параллель между земным отцом и Небесным Отцом [2, с. 617]. Ф.М. Достоевский показывает, что отец – это человек, который, помимо земных обязанностей по воспитанию и содержанию, является наставником своих детей в начале жизненного пути, учит Божьим заповедям. Таким отцом стал для Алёши старец Зосима, и в дальнейшем, взяв этот светлый образ как пример истинного отцовства, Алёша также начинает опекать мальчиков в лице Коли Красоткина и его друзей, показывая им образ благочестивого и богобоязненного наставника.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ветловская В.Е. Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2007. 640 с.
2. Ветхий Завет // Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, канонические, в русском переводе с параллельными местами и приложением. М.: Российское Библейское общество, 2006. 925 с.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. IX. Братья Карамазовы. М.: ГИХЛ, 1958. 623 с.
4. Итокава К. Фёдор Достоевский. Преодоление самоочевидности. М.: МАКС-Пресс, 2000. 104 с.
5. Кантор В.К. Бердяев о Достоевском: теодицея и свобода // Философские науки. 2014. № 4. С. 52-64.
6. Карякин Ю.Ф. Достоевский: “всё “дитё””. К 150-летию со дня рождения // Наука и религия. 1971. № 10. С. 45-51.
7. Касаткина Т.А. Характерология Достоевского. М.: Наследие, 1996. 336 с.
8. Новый Завет // Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, канонические, в русском переводе с параллельными местами и приложением. М.: Российское Библейское общество, 2006. 292 с.

9. Павлова И.Б. Детский вопрос в постановке М.Е. Салтыкова-Щедрина и Ф.М. Достоевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 3. С. 125-129.
10. Парений, епископ Подольский и Брацлавский. Христианское воспитание детей // Общедоступная религиозно-нравственная библиотека. М.: Синодальная Типография, 1905. 70 с.
11. Померанец Г.С. Дети и детское в мире Достоевского // Открытость бездне. Встречи с Достоевским. М.: Советский писатель, 1990. С. 235-255.
12. Протоирей Родион Путятин. Проповеди: краткие поучения. М: Благовест, 2000. 173 с.
13. Федотова М.А. Житие, почитание и прижизненные чудеса св. Димитрия Ростовского // Святитель Димитрий, митрополит Ростовский: исследования и материалы. Ростов: Спасо-Яковлевский монастырь, 2008. С. 273-310.
14. Фокин П.Е. Категория "отцовства" в идейно-художественной системе Ф.М. Достоевского // Три века русской литературы. Актуальные аспекты изучения. Межвуз. сб. Иркутск, 2003. Вып. 2. С. 13-25.
15. Шараков С.Л. Евангельское слово в поэтике Достоевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 4. С. 51-56.

REFERENCES:

1. Vetlovskaya V.E., Roman F.M. *Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy»* [Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov"]. St. Petersburg, «Pushkinskii dom» Publ., 2007. 640 p.
2. *Vetkhii Zavet // Bibliya: Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta, kanonicheskie, v russkom perevode s parallel'nymi mestami i prilozheniem* [The Old Testament / Bible: Holy Scriptures of the Old and New Testament, canonical, in Russian translation with parallel passages and annexes]. Moscow, Rossiiskoe Bibleiskoe obshchestvo Publ., 2006. 925 p.
3. Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: V 10 t. T. IKH. Brat'ya Karamazovy* [Complete works: In 10 vols. Vol. IX. The Brothers Karamazov]. Moscow, GIKHL Publ., 1958. 623 p.
4. Itokava K. *Fedor Dostoevskii. Preodolenie samoochevidnosti* [Fyodor Dostoevsky. Overcoming self-evidence]. Moscow, MAKS-Press Publ., 2000. 104 p.
5. Kantor V.K. Berdyaev on Dostoevsky: theodicy and freedom. In: *Filosofskie nauki* [Philosophical science]. 2014, no. 4, pp. 52–64.
6. Karyakin YU.F. Dostoevsky: "all "child". The 150th anniversary of the birth. In: *Nauka i religiya* [Science and religion]. 1971, no. 10, pp. 45–51.
7. Kasatkina T.A. *Kharakterologiya Dostoevskogo* [Characterology Dostoevsky]. Moscow, Nasledie Publ., 1996. 336 p.
8. *Novyi Zavet // Bibliya: Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta, kanonicheskie, v russkom perevode s parallel'nymi mestami i prilozheniem* [New Testament / Bible: Holy Scriptures of the Old and New Testament, canonical, in Russian translation with parallel passages and annexes]. Moscow, Rossiiskoe Bibleiskoe obshchestvo Publ., 2006. 292 p.
9. Pavlova I.B. Children's question in the vision of M. Saltykov-Shchedrin and F. Dostoyevsky. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2011, no. 3, pp. 125–129.
10. Pareenii, episkop Podol'skii i Bratslavskii. Christian parenting. In: *Obshchedostupnaya religiozno-nravstvennaya biblioteka* [Public moral and religious library]. Moscow, Sinodal'naya Tipografiya publ., 1905. 70 p.

11. Pomerants G.S. Children and childish in the world of Dostoevsky. *V kn.: Otkrytost' bezdne. Vstrechi s Dostoevskim* [In the book: The openness to the abyss. Meeting with Dostoevsky]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990, pp. 235–255.
 12. Protoirei Rodion Putyatin. *Propovedi: kratkie poucheniya* [Sermon: a short speech]. Moscow, Blagovest Publ., 2000. 173 p.
 13. Fedotova M. A. The life, worship and a lifetime of miracles of St. Dimitriy of Rostov. In: *Svyatitel' Dimitrii, mitropolit Rostovskii: issledovaniya i materialy* [St. Dimitriy, Metropolitan of Rostov: studies and materials]. Rostov, Spaso-Yakovlevskii monastyr' Publ., 2008, pp. 273–310
 14. Fokin P.E. The category of “paternity” in the ideological and artistic system of F. Dostoevsky. In: *Tri veka russkoi literatury. Aktual'nye aspekty izucheniya. Mezhvuz. sb.* [Three centuries of the Russian literature. Relevant aspects of the study. Interuniv. coll.]. Irkutsk, 2003, pp. 13–25.
 15. Sharakov S.L. The gospel word in the poetics of Dostoevsky. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow state regional University. Series: Russian philology]. 2012, no. 4, pp. 51–56.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степченкова Валентина Николаевна – аспирант кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета.
e-mail: st_valentina007@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stepchenkova Valentina Nikolaevna – postgraduate student at the Russian classical literature Department of the Moscow Region State University.
e-mail: st_valentina007@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Степченкова В.Н. Осмысление темы отцовства в романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 116-124.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-116-124

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

Stepchenkova V.N. Comprehension of paternity in the Dostoevsky's novel «The Brothers Karamazov». In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 4, pp. 116-124.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-116-124